Контракт
на
Предательство
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ДАРЬЯ ВЕЙЛ

Дарья Вейл

Контракт на предательство

«Автор»
2026

Вейл Д.

Контракт на предательство / Д. Вейл — «Автор», 2026

Глеб Вяземский — холодный, властный и чертовски привлекательный мужчина, которому мне следовало держаться подальше.Пять лет назад мой отец погиб при загадочных обстоятельствах. Дело закрыли, улики исчезли, а кто-то позаботился о том, чтобы я никогда не узнала правду.Теперь у меня есть три месяца, чтобы найти ответы в закрытом архиве семьи Вяземских. И чем ближе я к разгадке, тем сильнее меня тянет к Глебу — мужчине, который явно знает больше, чем говорит.Между нами не должно быть ничего, кроме контракта. Но как ненавидеть человека, прикосновения которого заставляют забыть обо всём?Я думала, что использую его, чтобы раскрыть тайну смерти отца.Пока не нашла документ с подписью Глеба, датированный днём гибели моего отца.Внизу стояла короткая пометка: «Проблему устранить. Девочка не должна узнать».И теперь я не знаю, что страшнее: то, что Глеб мог быть причастен к смерти моего отца или то, что следующей в этом документе могла оказаться я.

© Вейл Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Дарья Вейл
Контракт на предательство

Глава 1

Человек, который знал моего отца

За пять лет я научилась жить с мыслью, что мой отец умер.

Я так и не научилась верить в официальную версию его гибели.

В заключении всё выглядело просто: пожар в архивном комплексе на Северной улице, неисправная система пожаротушения, позднее обнаружение возгорания. Несчастный случай. Несколько страниц сухого текста, подписи экспертов и дата, после которой моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Я перечитывала заключение так часто, что помнила его почти наизусть. И каждый раз спотыкалась об одно и то же: по официальным данным, отец покинул здание в девять вечера. Пожар начался почти час спустя.

Тогда почему за день до смерти он оставил мне сообщение?

«Алиса, если со мной что-то случится, не верь официальному заключению. И никогда не связывайся с Вяземскими».

Ни объяснений, ни подробностей. Только эти слова, которые я сохранила в старом телефоне, хотя давно могла переписать их куда-нибудь ещё.

Иногда мне казалось, что я держусь за сообщение не потому, что верю отцу, а потому, что, перестав искать правду, мне придётся признать: возможно, я уже никогда не узнаю, кем он был в последние часы своей жизни.

В тот вечер я стояла перед зеркалом в прихожей и пыталась решить, не слишком ли вызывающе выгляжу для собеседования.

Чёрные брюки, светлая блузка, волосы собраны в низкий хвост. Ничего лишнего. Я не собиралась производить впечатление на Глеба Вяземского. Мне требовалось только попасть в его архив.

По крайней мере, так я говорила себе.

Предложение о работе пришло три дня назад. Высокая оплата, временный контракт на три месяца, восстановление повреждённых материалов в закрытом архиве строительного подразделения крупного холдинга. В письме не было почти ничего необычного, кроме одного: моё резюме запросили лично.

Я не отправляла его в компанию Вяземского.

Когда я спросила рекрутера, откуда у них мои данные, она ответила, что не располагает такой информацией. На просьбу прислать подробности проекта мне отправили стандартное соглашение о конфиденциальности.

Я должна была отказаться.

Вместо этого распечатала соглашение и положила его рядом с телефоном отца.

В приложении к документам обнаружилось название архивного комплекса на Северной улице.

Того самого.

***

В первый раз я увидела Глеба Вяземского на фотографии в деловом журнале. Он стоял рядом с группой людей в безупречных костюмах и смотрел в камеру без улыбки. В статье говорилось о его инвестициях, крупных проектах и репутации человека, который не прощает ошибок.

Во второй раз я увидела его имя на экране телефона, когда помощница сообщила, что собеседование перенесено с одиннадцати утра на восемь вечера.

«Господин Вяземский сможет принять вас сегодня в 20:00. Адрес и пропуск остаются прежними».

Я перечитала сообщение, потом посмотрела на часы.

У меня было достаточно времени, чтобы передумать.

Я не передумала.

В третий раз он стоял передо мной в трёх метрах от окна на сорок втором этаже и смотрел так, будто уже знал обо мне всё, что я сама пыталась забыть.

Кабинет оказался огромным. Стеклянные стены, тёмное дерево, приглушённый свет и панорамные окна, за которыми город медленно погружался в ночь. На столе не было ни семейных фотографий, ни сувениров, ни случайных мелочей. Только документы, ноутбук и стакан воды.

Ни одной детали, которая могла бы рассказать о хозяине что-то личное.

Глеб Вяземский был выше, чем я ожидала. Тёмные волосы, строгий чёрный костюм, белая рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу у горла. На запястье — часы, стоимость которых наверняка превышала цену моей квартиры вместе со всем, что в ней находилось.

Он выглядел именно так, как я и представляла: дорого, холодно и совершенно невыносимо.

— Вы опоздали, — сказал он.

Я посмотрела на часы.

— На четыре минуты.

— За четыре минуты можно принять решение, которое будет стоить компании нескольких миллионов.

— Тогда вам стоит нанять человека, который умеет принимать решения быстрее.

На мгновение мне показалось, что я перестаралась.

Вяземский не улыбнулся. Даже не изменился в лице. Он лишь отложил ручку и указал на кресло напротив стола.

— Садитесь, Алиса.

Он произнёс моё имя без малейшего сомнения, хотя я ещё не успела представиться.

Я села.

— Вы всегда начинаете собеседование с претензий? — спросила я.

— Только если кандидат даёт повод.

— Значит, я уже произвела впечатление.

— Не обольщайтесь.

Я едва удержалась от улыбки. Не потому, что он сказал что-то смешное, а потому, что его раздражение было почти незаметным. Глеб Вяземский, похоже, привык контролировать даже выражение собственного лица.

— Ваше резюме выглядит убедительно, — произнёс он. — Вы работали с повреждёнными архивами, восстанавливали удалённые базы, находили документы, которые другие специалисты признавали утраченными.

— Если документ существовал, обычно можно найти хотя бы следы.

— Даже если кто-то намеренно уничтожил оригинал?

— Особенно если кто-то намеренно уничтожил оригинал.

Впервые за весь разговор его взгляд изменился. Совсем немного. Но я заметила.

— Почему вы ушли с предыдущего места работы?

— Не сошлась с руководством.

— Вы уволились через два месяца.

— Руководитель считал, что подделывать документы допустимо, если за это хорошо платят.

— А вы?

— Я считаю, что если человек хочет получить моё согласие на преступление, ему стоит предложить сумму побольше.

Он откинулся на спинку кресла.

— Вы всегда так разговариваете с работодателями?

— Только с теми, которые задают вопросы, ответы на которые уже знают.

Молчание растянулось. Я выдержала его взгляд, хотя внутри всё неприятно сжалось. Вяземский смотрел не так, как смотрят мужчины, пытаясь оценить женщину. Скорее так, будто перед ним лежал документ, в котором он искал ошибку.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Предположим, я вас нанимаю. Вы получите доступ к архиву строительного подразделения холдинга за последние пятнадцать лет. Ваша задача — восстановить повреждённые материалы и подготовить их к независимой проверке.

— Почему именно я?

— Ваш опыт.

— Таких специалистов много.

— Не с вашим опытом.

— Это не ответ.

Глеб медленно закрыл папку.

— Вы хотите эту работу или нет?

Я подумала об отце. О старом телефоне, который хранила в ящике письменного стола. О сообщении, полученном за день до пожара. О том, как в последние недели он стал дважды проверять замки и замолкал каждый раз, когда я спрашивала, что происходит.

Тогда я решила, что у него проблемы на работе. Он был инженером и участвовал в проверках строительных объектов. Иногда возвращался домой поздно, уставший и раздражённый. Я не задавала слишком много вопросов, потому что была занята собственной жизнью и считала, что у нас ещё будет время поговорить.

Времени не осталось.

— Хочу, — ответила я. — При одном условии.

— Вы ещё не получили предложение, а уже выдвигаете условия?

— Мне нужен полный доступ к исходным материалам. Без выборочного предоставления документов и без предварительного согласования каждого запроса.

— Нет.

Я ожидала этого.

— Тогда мы закончили.

Я поднялась.

— Сядьте, Алиса.

В его голосе не было громкости, но была уверенность человека, который привык, что его слушаются. Я остановилась, однако садиться не стала.

— Вы всегда рассчитываете, что люди будут вам подчиняться? — спросила я.

— Нет. Только когда они понимают, что это в их интересах.

— А если я понимаю, что это не в моих интересах?

Глеб тоже поднялся. Теперь между нами оставалось совсем немного пространства. От него пахло древесным парфюмом и остывшим кофе.

Я заметила это против воли и тут же разозлилась на себя. Я пришла сюда за ответами, а не рассматривать мужчину, которого должна была опасаться.

— Тогда, — произнёс он, — вы, вероятно, единственный человек в этом городе, который откажется от предложения, способного изменить его жизнь.

— Возможно, я просто не люблю, когда мне недоговаривают.

— Это взаимно.

Он обошёл стол, открыл нижний ящик и достал тонкую серую папку. Положил её передо мной.

— Прежде чем вы примете окончательное решение, посмотрите.

Я не собиралась прикасаться к папке.

Потом увидела фамилию на наклейке.

Воронцов.

Мою фамилию.

Пальцы вдруг стали холодными.

— Что это?

— Материалы по внутреннему расследованию пожара в архивном комплексе на Северной улице. Пять лет назад.

Я медленно подняла голову.

— Откуда они у вас?

— Из моего архива.

— Почему?

— Потому что здание принадлежало нашей компании.

Я открыла папку.

Первой лежала фотография обгоревшего коридора. Второй — копия заключения экспертизы. Третьим — список сотрудников, допущенных в здание в день пожара.

Я знала этот список. Видела его в материалах официального расследования. Перечитывала десятки раз, пытаясь найти хоть что-нибудь, что не укладывалось бы в версию несчастного случая.

Но на этой копии напротив фамилии моего отца стояла красная отметка.

«Доступ к закрытому хранилищу — 21:47».

Я перестала дышать.

По официальным данным, отец покинул здание в девять вечера.

— Это подделка, — сказала я.

Собственный голос прозвучал чужим.

— Возможно.

— Вы знали о существовании этого документа?

— Да.

— И всё это время молчали?

Глеб посмотрел на меня.

— Я не знал, кому можно доверять.

— Поэтому решили проверить меня?

— Поэтому предложил вам работу.

Я захлопнула папку.

— Вы понимаете, что речь идёт о моём отце?

— Именно поэтому я и хотел поговорить с вами лично.

Я ненавидела его спокойствие. Ненавидела то, как он произносил слова, словно заранее предусмотрел все возможные последствия. Больше всего я ненавидела тот факт, что он знал нечто, чего не знала я.

— Что вы от меня хотите?

Глеб выдержал паузу.

— Чтобы вы нашли оригинал этого документа.

— И всё?

— Нет.

Он посмотрел прямо мне в глаза.

— Я хочу знать, что ваш отец делал в закрытом хранилище за сорок минут до пожара.

В этот момент я поняла две вещи.

Первая: я не уйду из этого кабинета без ответов.

Вторая: если отец действительно лгал мне все эти годы, я не была готова узнать правду.

Я закрыла папку и снова села.

— Три месяца, — сказала я. — Полный доступ к архиву. Все расходы на восстановление документов оплачивает компания. И если вы попытаетесь скрыть от меня хотя бы один материал, я прекращу работу.

— Согласен.

— И ещё одно.

— Слушаю.

— Не пытайтесь управлять мной за пределами работы.

Вяземский посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что предложила ему отказаться от собственного имени.

— Не переоценивайте своё влияние на меня, Алиса.

— Не переоценивайте своё влияние на меня, Глеб.

Я не помнила, чтобы кто-то из сотрудников называл его по имени без разрешения. Но он не поправил меня. Только задержал взгляд на моём лице на секунду дольше, чем требовалось.

И почему-то именно это заставило меня почувствовать себя менее уверенно, чем все его угрозы.

— Завтра в девять вас будет ждать пропуск, — сказал он. — Не опаздывайте.

— Постараюсь пережить эту ночь от волнения.

На этот раз уголок его рта едва заметно дрогнул.

Это не было улыбкой. Скорее намёком на то, что она вообще возможна.

Я отвернулась первой и вышла из кабинета.

***

В коридоре было тихо. За стеклянной перегородкой секретарь быстро печатала что-то на компьютере. Когда я проходила мимо, она подняла голову и посмотрела на меня с выражением, которое я не смогла расшифровать: жалость, любопытство или предупреждение.

В лифте я снова открыла папку, которую по глупости забрала с собой. Сфотографировала отметку напротив фамилии отца. Только после этого заметила, что на обороте листа есть ещё одна строчка, почти скрытая под чёрной полосой копировального дефекта.

«Второй доступ подтверждён. В. Вяземский».

Я увеличила изображение на экране.

Имя было закрыто, но фамилия читалась отчётливо.

Вяземский.

Двери лифта открылись. Я вышла в холл, прошла мимо охраны и оказалась на улице. Холодный воздух ударил в лицо. Город жил своей обычной жизнью: машины сигналили на перекрёстке, кто-то смеялся у входа в ресторан, по мокрому асфальту тянулись красные полосы стоп-сигналов.

Я остановилась под козырьком и набрала номер, который не набирала несколько месяцев.

Номер отца я помнила наизусть, хотя его телефон давно лежал выключенным в ящике моего стола.

Гудок. Второй. Третий.

Конечно, никто не ответил.

Я почти убрала телефон, когда на экране появилось уведомление с неизвестного номера.

«Ты зря пошла к Вяземскому».

Я замерла.

Следом пришло второе сообщение.

«Твой отец тоже думал, что сможет договориться».

Я оглянулась. На противоположной стороне улицы стоял чёрный автомобиль с выключенными фарами. Стёкла были настолько тёмными, что я не могла разглядеть водителя.

Я убедила себя, что это совпадение.

Потом автомобиль медленно тронулся с места и свернул за угол.

Я осталась под козырьком, сжимая телефон так сильно, что заболели пальцы.

На экране появилось третье сообщение.

Фотография.

Снимок был старым, зернистым, сделанным издалека. Мой отец стоял у входа в архивный комплекс. Рядом с ним — мужчина в тёмном пальто, повернувшийся спиной к камере.

Я не могла разглядеть его лица.

Но узнала часы на его запястье.

Такие же, как у Глеба Вяземского.

Под фотографией была одна фраза:

«Спроси его, почему он вышел оттуда живым».

Я перечитала её несколько раз.

Потом подняла глаза на высотку, где на сорок втором этаже всё ещё горел свет.

Я пришла к Глебу Вяземскому, чтобы найти правду о смерти отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.